

БРОНОВИЦКИЙ Д. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БРОНОВИЦКИЙ Дмитрий Васильевич, родился в 1894 в Шавли Ковенской губ. В 1915 — окончил Военно-Морское училище, служил мичманом на Балтийском флоте, с 1917 — в РККФ на командных должностях, в 1927 — вышел в отставку. С 1929 — проживал в Ленинграде, работал в гражданских учреждениях. Женат на Марии Иосифовне Броновицкой. В марте 1935 — выслан с женой и ее матерью в Куйбышев на 5 лет.

В мае 1935 — он обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<30 мая 1935>

Уважаемый тов<арищ> Пешкова!

Прошу простить меня за излишнее, быть может, беспокойство и назойливость.

Пишу Вам письмо вслед за официальными заявлениями, посланными на Ваше имя в Помощь Политзаключенным от имени моего и моей жены — Марии Иосифовны Броновицкой. Не имея ни друзей, ни знакомых, ни родственников, могущих оказать какую-либо помощь в постигшем меня и семью несчастье, зная от других о Вашем внимательном и чутком подходе к разбору дела на предмет ходатайства, я взял на себя смелость, помимо заявлений, написать письмо личного порядка, в котором и рассказать Вам о своих сомнениях, тревогах и всем, что наболело и мучает меня.

Я говорю "несчастье". Как можно назвать положение, когда человек незаслуженно вдруг теряет доверие Правительства, Партии, всей страны, когда из него делают преступника и как соц<иально> опасный элемент высылается вон, как ненужный хлам, как мусор.

Я буквально теряюсь в догадках, в чем же, собственно говоря, моя вина, чем объяснить эту суровую и позорную для каждого честного работника и гражданина, и особенно, для командира запаса флота, побывавшего в гражданскую войну на фронтах, меру взысканий.

Неужели только за то, что я сын врача и дворянина, за то, что я — б<ывший> мичман флота, подаривший лучшие силы и знания на создание и сохранение РККФ. Тогда еще, когда это потребовалось, когда каждый из нас, б<ывших> офицеров флота, должен был самостоятельно и раз и навсегда решить — где и с кем ему быть?

Думается что не так, не в этом дело. Ведь служат же и до сих пор и б<ывшие> офицеры, и б<ывшие> дворяне, выявляя образцы ударнической работы не за страх, а за совесть. Быть может, тут сыграла решающую роль периодическая переписка с больной туберкулезом сестрой, живущей с матерью в г<ороде> Шавли, по месту смерти отца? Переписку вела жена старшего брата — Лид<ия> Мих<айловна> Броновицкая, которая, видимо, за это же с семьей попала в Самару. Переписка с сестрой шла самым законным и разрешенным порядком через цензуру, нигде и никогда не скрывалась, да и смешно, глупо скрывать такие вещи. Молодая, умная девушка, в расцвете лет умирает на медленном огне от чахотки, интересуется жизнью и здоровьем своих — вот, в основном, содержание ее писем. Часть их лично мною при обыске были вручены лицу, производившему обыск. Возвращены не были. Не знаю, может, все, вместе взятое, создает нездоровую, политически нездоровую и невыдержанную ситуацию вокруг моего имени? Одно знаю — я абсолютно и ни в чем себя виноватым не чувствую, а уж тем более моя жена, которая с 1919 г<ода>, задолго до встречи со мной, не дворянка, начала самостоятельную жизнь, работала и работала до последнего момента. Пусть укажут мне мою вину, пусть лучше судят меня

тогда. Поверьте мне, тов<арищ> Пешкова, что я сумею доказать, что я не преступник, что я не причисляю себя к лику сомнительных "механических граждан", о которых правдиво говорил в свое время М. Горький, что я, раз сделавший выбор, честный, советский гражданин, искренно и добросовестно относящийся ко всему, что может радовать и печалить каждого по-советски настроенного современного человека.

Это-то противоречивое положение официальной стороны моей жизни и моего внутреннего содержания и губит меня.

Для меня всегда было выше всего — доверие. Только при этом условии можно работать. Потерять доверие — потерять все.

Простите за беспокойство.

Броновицкий.

Астрахань,
гл<авная> Почта.
До востребования.
30 мая»¹.

В начале октября 1935 — Дмитрий Васильевич вновь обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<2 октября 1935>

«Председателю Общества
"Помощи Политзаключенным"
тов. Пешковой Е.П.

Москва, Кузнецкий мост, 24

Уважаемый тов. Пешкова!

Не имея ответа на мое заявление, посланное на Ваше имя в начале июня месяца, и считая возможным, что оно могло и не дойти до места назначения, обращаюсь к Вам вторично с просьбой о Вашем ходатайстве перед соответствующими органами о пересмотре моего дела и о снятии с меня и моей семьи позорного звания "адм<инистративно> высланный".

По распоряжению Оперативного Отдела Ленинградского Сектора НКВД за № 823 от 11/III-35 г<ода> я и моя семья, в составе жены, Марии Иосифовны Броновицкой, и находящейся на ее иждивении старухи матери, 75 лет, были высланы в административном порядке из Ленинграда в Астрахань, как социально опасный элемент сроком на 5 лет. При обыске были отобраны:

1) Паспорт, 2) Учетно-воинский билет комсостава флота, 3) Союзный билет Водников (с 1929 г<ода>), 4) Письма больной туберкулезом сестры, находящейся при матери в г<ороде> Шавли, быв<шей> Ковенской губ<ернии> (ныне Литва), 5) Фотоальбом, 6) Диплом капитана малого плавания и билет секции ИТР.

Из всех документов мне был возвращен по месту ссылки билет ИТР.

Я, Дим<итрий> Вас<ильевич> Броновицкий, родился в 1894 г<оду> в г<ороде> Шавли быв<шей> Ковенской губ. в семье Шавельского врача. Отец никогда не был ни землевладельцем, ни военным. Состоя врачом в городе, он являлся выразителем лучшей части трудовой интеллигенции. Умер он в 1914 г<оду> накануне империалистической войны.

В 1911 г<оду> я перешел в Морское Училище, каковое и окончил в 1915 г<оду> в чине мичмана флота. С 1915-1917 г<оды> — до момента образования РККФ² — служба в старом флоте, после чего продолжал

¹ ГАРФ. Ф. 8409. оп. 1. Д. 1385. С 45-47. Автограф.

² Рабоче-Крестьянский Красный флот.

служить в рядах РККФ, где и оставался до 1927 г<ода> включительно. За время службы в РККФ на командных должностях участвовал:

1) Ледовый поход флота при переводе его из Гельсингфорса в Кронштадт на э<сминце> "Гайдамак" в 1918 году.

2) В Штабе Астрахано-Каспийской военной флотилии в период 1918-1919 г<одов>.

3) В составе Морских Сил Шлиссельбургского Укрепл<енного> района на э<сминце> "Уссуриец" на Ладожском озере под Видлецей в боях с белофиннами <в> 1920 г<оду>.

4) В составе действующего флота Морских Сил Балтийского моря в дивизии траления на тральщике "Стрела" при наступлении Юденича и осаде Кронштадта в 1920 г<оду>.

Последняя занимаемая должность в РККФ — командир минного загр<адительного> э<сминца> "Красная Грузия" (1925-1927 г<оды>) на Черном море. В сентябре 1927 г<ода> был демобилизован по суду Рев<олюционного> Триб<унала> в г<ороде> Севастополе за превышение власти командира. В 1928 г<оду>, по истечении срока, был освобожден.

С 1929 г<ода> и по момент высылки служил в гражданских учреждениях. По общественной линии нес различные нагрузки (Проф<сою>зы, Организатор в конструк<орском> Бюро Балт<ийского> Суд<остроительного> завода, там же активно участвовал и помогал в проведении кампании по размещению Гос<ударственных> Займов. В Сев<еро> Зап<адном> Упр<авлении> Речн<ого> транспорта состоял беспереывно членом постоянной Столовой и Санитарной Комиссии).

Кроме того, желая быть полезным и высококвалифицированным работником и подготавливая себя в течение ряда лет к научной работе, я неустанно поднимал уровень своих знаний, для чего состоял студентом Ленингр<адского> Заочного Института повышения квалифик<ации> работников Водного Транспорта и держал испытания в Аспирантуру Гидролог<ического> института, каковые и сдал осенью 1934 г<ода>.

Мое искреннее и добросовестное отношение к службе и ко всем мероприятиям Партии и Правительства могут подтвердить партийные тов<арищи>, с которыми мне пришлось работать на Водн<ом> Транспорте (Н<ачальни>к Админ<истративного> Отд<ела> СЗУРТ Н. К. Луценко, быв<ший> н<ачальни>к сектора Связи СЗУРТ А. В. Малышев и другие).

Личная жизнь в домашнем быту была известна парт<ийным> товарищам (жившим со мной в одной квартире): т. т. Г. Л. Невольский, О. А. Семенова, В. А. Малых и более молодым комсомольским силам, каковыми были все Турковы.

Участие в Ледовом походе флота из Гельсингфорса в Кронштадт, непосредственное участие в гражданской войне, участие в общественной жизни, то обстоятельство, что за все время существования Сов<етской> Власти я никогда никаким обыскам и политическим репрессиям не подвергался, наконец, мое искреннее желание работать по научно-исследовательской линии, сделаться полезным и знающим, высококвалифицированным специалистом своего дела, могущим приложить свои знания на производстве — все вместе оказалось недостаточным, иначе я не оказался бы причисленным к числу адм<инистративно> высланных.

В чем же мое преступление? Где кроется причина моего несчастья? Как доказать, что я не соц<иально> опасный элемент, что я не заслужил этого позорного для меня звания? Неужели люди, которые осудили меня, не знают, что мое сознание уже давно определилось жизнью в стране, которой отдал свои лучшие силы и знания, что еще в годы гражд<анской> войны, когда решался вопрос, где мне, быв<шему> офицеру и дворянину, быть и с кем быть, этот вопрос был мной решен совершенно

самостоятельно и добровольно. И теперь, когда прошло столько лет, когда знаешь, видишь, читаешь, как бурно растет страна — вдруг меня сочли социально опасным только потому, что я быв<ший> офицер, дворянин и судимый (так сказано в обвинении Совещания при Ленингр<адском> НКВД, каковое я читал и в прочтении которого расписался уже здесь, в Астрахани).

Я готов отвечать по всей строгости революционных законов, если мне докажут, что я действительно соц<иально> опасный элемент. Потерять доверие — потерять все, а поэтому я прошу о пересмотре моего дела, о снятии с меня звания "адм<инистративно> высланный" и о разрешении вернуться в Ленинград. В случае же, если по каким-либо причинам мое проживание в г<ороде> Ленинграде нежелательно, я прошу о возвращении мне прав Советского гражданина и разрешения выехать из Астрахани с правом жительства в другом городе по моему выбору, т<ак> к<ак> климатические условия Астрахани губельно отзываются на здоровье жены, которая по существу невиновна, т<ак> к<ак> обвинения ей предъявлено никакого не было, и которая попала в Астрахань как член семьи.

Броновицкий.

20/VIII.

г<ород> Астрахань, проезд Крылова, д. 4, кв. 1»³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. оп. 1. Д. 1385. С 59-60. Автограф.